

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

№4

23 ИЮНЯ 2014

ОДНО ДЕТСТВО НА ДВОИХ

Анна Богачёва «Анна Ванна»
Проект Александра Сыроева, г. Екатеринбург

Кто такие взрослые? Это люди, которые знают ответы на все вопросы, работают на работе и понимают язык дикторов центрального телевидения. А пока взрослые заняты своей, наполненной серьёзными делами, жизнью — дети строят свой тайный, скрытый от родительского взгляда, мир.

В спектакле «Анна Ванна» по пьесе Анны Богачёвой мы видим, как дети умеют изменить привычное пространство, превратив обеденный стол в уютный дом. Как они сочиняют свою мифологию, согласно которой: категорически нельзя смотреть, как гадят животные, гулять рядом с обиталищем страшных зыбков и непременно надо держаться за красное в подтверждение правдивости своих слов.

У режиссёра Александра Сыроева получилось передать лёгкое настроение детства, когда любая ссора недолговечна, бусы из маминой шкатулки способны превратить девочку в индийскую танцовщицу, а все проблемы сводятся к тому, кому сколько конфет достанется. Но так кажется только на первый взгляд. За лёгкостью детского бытия кроются и первые комплексы, и сильная зависть, и настоящая любовь. Дети переживают всё точно так же, как и взрослые, но только острее: вкус их шоколадной конфеты более сладкий, их гроза громче звучит, их любовь является самой главной ценностью в жизни, которую даже лучшей подруге не доверишь.

Актрисы Наталья Гаранина и Алла Антипова мастерски балансируют на зыбкой границе между детством и взрослостью: из пяти в сорок и обратно. Используя этот приём, они рассказывают историю дружбы и взросления. Первоначально пьеса была преимущественно ориентирована на одну актрису (в жанре значилось «почти монолог»). Но из этого «почти», после небольшой корректировки текста, получился материал для спектакля, который держится на актёрском дуэте, и где определить, у кого главная роль, уже невозможно.

Обе героини и выписаны и сыграны живо, интересно: они очень разные по пластике, по реакциям, по мировосприятию. Тихая неуклюжая Аня Богачёва (Наталья Гаранина) всё время стремится успеть за своей яркой и смелой подружкой Олей Инкиной (Алла Антипова). Но и общего у них предостаточно: их детство полно просмотрами индийских фильмов и хоккейных матчей, походами на ёлки в местный ДК, играми в прятки, в классики, в красавиц... И ступени, которые нужно пройти, чтобы вырасти, у девочек тоже общие. Сначала школа, которая заставляет порвать не только с детской беззаботностью, но и с первыми друзьями. Позже — смерть родителей. Жизнь поворачивается к обеим героиням самой своей предательской, жёсткой стороной в тот момент, когда они к этому ещё не готовы, им всего-то по восемнадцать лет...

Но через много лет, будучи уже взрослыми женщинами, Анна и Ольга продолжают оптимистично смотреть на жизнь — во многом благодаря тому, что у них есть их воспоминания о самом светлом и самом настоящем периоде своей жизни. Писательница Линор Горалик как-то сказала: «Самое страшное не то, что мы теперь взрослые, а то, что теперь взрослые — это мы». Драматическая составляющая спектакля «Анна Ванна» заключается именно в этом неизбежном, неотвратимом для каждого процессе взросления... Но чудом уцелевший, притаившийся внутри каждой взрослой «Анны» или «Ольги» ребёнок — продолжает верить в лучшее и с нетерпением ждёт продолжения игры под названием жизнь.

Мария Зырянова

В КАЖДОМ ИЗ НАС ЖИВ РЕБЁНОК

Наталья Гаранина, Алла Антипова,
актрисы спектакля «Анна Ванна»

Вы впервые работали с Александром Сусоевым?

Алла Антипова. Нет, он ставил в нашем Театре кукол спектакль «Про самого длинного червяка» по пьесе Ани Богачёвой. Я там тоже играла.

Наталья Гаранина. А я, как актриса, работала с ним впервые. До этого мы с ним сотрудничали только как режиссёры на студенческих спектаклях.

Алла Антипова. С Сашей легко работать. Понятно, что он ещё находится в начале своего творческого пути и каких-то вещей пока не знает... Но он – смелый, и чётко знает чего хочет.

Наталья Гаранина. Он по-хорошему упёртый в достижении своей цели! И увлечённый: всё делает для того, чтобы спектакль состоялся.

Наталья Войттовна, он занимается ещё и с вашими студентами. Как у них складываются отношения?

Наталья Гаранина. Перед студентами мы играем в «хорошего-плохого полицейского»: я добрая, он строгий. Это даёт хороший результат. Он от них очень многого требует и ребята это принимают, стараются работать. Сейчас мы решили сделать полноценный спектакль в «живом плане», но пока ещё не определились с материалом.

На зрителя какого возраста рассчитан спектакль «Анна Ванна»?

Алла Антипова. Мне кажется, что всё-таки не детский. По моим ощущениям, он будет интересен студентам и тем, кто ещё старше.

Наталья Гаранина. Он для тех, кто уже пережил детство, кто уже может его вспоминать. Двое моих студентов сразу после спектакля пошли звонить своим друзьям детства. Значит, в них это уже попадает, цепляет чем-то.

Как вам работалось с текстом Анны Богачёвой?

Алла Антипова. Язык пьесы живой, это достойный материал, хорошая литература. Нам было интересно. Поначалу было сложно выстроить правильную грань перехода из взрослого – в детское – и обратно... Очень хотелось избежать наигранности, которая случается у актёров в ситуациях подобных нашей.

Наталья Гаранина. Диалогов в пьесе мало и некоторые строчки из монолога Анны Ванны мы

отдали Оле. Текст переписывали несколько раз – искали разные варианты.

Я видела, что некоторые зрители после спектакля плакали...

Алла Антипова. Эта реакция заложена в пьесе. Сама по себе история трогательная. Тема детства касается всех: у каждого свой опыт, своя боль. История универсальная, в общем-то. Этим она и хороша!

Наталья Гаранина. Зрители, естественно, откликаются: они узнают себя, вспоминают те ситуации, в которых оказывались в детстве. Всех же кем-то пугали, например. Вот я боялась Бабая. Даже знала, где он живёт.

Алла Антипова. А нас пугали цыганками. Причём это всё шло от детей, не от взрослых...

Такая детская мифология. В пьесе, и правда, очень точно схвачено, как дети сами свои миры конструируют. Другая большая тема – детские влюблённости. Взрослые почему-то не верят в то, что дети влюбляются...

Наталья Гаранина. У меня точно в детском саду была любовь! Я помню, как его звали, – Миша Курочкин. У нас даже кровати рядом стояли.

Алла Антипова. Дети вообще открыты всему, любому знанию. Каждую секунду в детстве что-то узнаёшь, запоминаешь, учишься чему-то. Ты формируешься, а потом с этим и живёшь! В каждом из нас жив ребёнок, просто с возрастом мы учимся его прятать.

Беседовала Мария Зырянова

СКАЗКА-БЫЛЬ ПРО ГОРОД ЧУТОЖМОН

Валерий Шергин «Концлагеристы»
«Коляда-Театр», г. Екатеринбург

«Конц-лаге-ристы!» – агрессивно звучит со сцены, которая кишит демонами. Они нескончаемой чередой втекают сквозь узкую дверь и заполняют всё пространство, они чёрными чернилами своих тел рисуют нам мир, заключённый в коробку бескомпромиссной системы. Все как один похожи, все сладенько визжат, выпрашивая чай с сахаром. Утопия. Жизнь с равными правами. Золотая середина превращается в серую массу.

На эту тему создано немало великих романов. Каноны антиутопического произведения всегда одни: замкнутое пространство, самые естественные человеческие проявления беспощадно ограничиваются, в утрированной форме, конечно, чтобы вышестоящие спокойно вздохнули: «А, это не про нас». Но если, например, у Оруэлла роман «1984» написан драматично, серьёзно, даже трагично, то пьеса Валерия Шергина, скорее, сатирико-саркастическая сказка-быль про город Чутожмон. Город вымышленный, но окружают его населённые пункты со вполне реальными названиями, и по ходу спектакля в воображении возникает искажённая карта нашей родины.

Режиссёр Александр Вахов, бессменный участник фестиваля вот уже третий год, подобрал подходящий ключ к сатире Шергина – написал свой спектакль чёрной тушью, раздув причудливый рисунок из одной капли. Одел жителей Чутожмона (а это только мужчины), в чёрную кожу, натянул на их лица искажённые гримасы, заставил общаться знаками (в мире, где за слово правды – смерть, лучший язык – язык глухонемых), и сам жутким рыгающим голосом вещает «за старшего» откуда-то сверху, сквозь не-

скончаемую тьму. Только лучи фонарей в руках демонов высвечивают лица героев, как любят делать дети, когда рассказывают друг другу страшилки в тёмной комнате... И чёрный юмор Шергина со всем остальным в одной гамме.

Первые сцены вызывают ощущение ужаса, но уменьшается глубина резкости, и из всей кишащей массы в фокусе остаётся конкретная семья: семья Федота. В ней одни мужчины, но кто-то назначен быть мужем, кто-то – женой (супружником), а кто-то – дочерью. И в этих правилах люди пытаются жить по-человечески, честно, любя. И от трогательной искренности исполнения концлагеристами своих ролей в обусловленном обществе – у зрителей текут слёзы от смеха. Антон Макушин (Педрос, супругник Федота), играющий мужчину, который исполняет роль женщины, бесподобен. Вот она – русская женщина: смиренная, добрая, сохраняющая семейный очаг и всюду следующая за мужем. Принуждённая любить по предписанию, но полюбившая по-настоящему. Макушин не совершает ни единого лишнего движения, чтобы посмеяться, нигде не переходит грань, но всё это жутко смешно. Сергей Фёдоров (Федот) brutalен. Настоящий мужик, глава семьи, защита. И если нет возможности изменить мир, победить систему, то он непременно спасёт тех, кого любит. За внешней жёсткостью и твердолобостью Федота видна добрая, болящая, но сильная душа.

В кровавой истории их неудавшегося побега с условно счастливым финалом есть и другие, не менее значимые, персонажи. Томышев, «говно-человек», мелкий раздражитель, который всем портит кровь. Его искромётно сыграл Илья Белов. Он неотразимо мерзок всем своим пластичным существом. Сталкер (Олег Ягодин), проводник в лучший мир. Он обещает свободу, но его спокойный, бесстрастный взгляд с самого начала транслирует: нет его, идеального, т.е. разумного, с точки зрения природы человеческой, государства.

Сквозь заданную форму острой карикатуры проступают живые люди, искренне сыгранные актёрами. И в них мы видим себя, свою жизнь, где демократия в строго указанном периметре, где законы утверждаются единогласным поднятием рук, будто спросили «кто хочет чаю с сахаром?». И вот уже у нас нельзя ни курить, ни материться: «Здоровый образ жизни, блин, ввели... вот впёрся мне их ЗОЖ», – как говорит Томышев. Сатира получилась актуальной.

Ирина Плесьяева

«ЗА ЧТО ТЕБЯ ЛЮБИТЬ, МАШКА?»

Екатерина Васильева
«Однажды мы все будем счастливы»
Молодёжный театр-студия «Галёрка»,
г. Екатеринбург

Спектакль театра «Галёрка» – особое событие в программе фестиваля этого года – премьера! Переполненный зал: родные и друзья артистов, жюри, критики, участники «Коляда-Plays» и просто зрители. Безусловно, волнительная обстановка для молодых артистов. И при желании можно было бы учесть эти обстоятельства, чтобы оправдать возможные огрехи. Но это было ни к чему. Перед нами – полноценный состоявшийся спектакль, стройный, выверенный и очень живой.

Режиссёр Дмитрий Зимин выбрал для пьесы-монолог Екатерины Васильевой, на мой взгляд, весьма верную форму. Здесь «оживают» все герои из воспоминаний Машки о сложных отношениях с матерью, сверстниками и всем окружающим миром. Довольно мрачная история с трагичным концом наполняется свежими красками, каким-то воздухом юной подростковой жизни.

Кроме Машки (Ольга Рубашкина) и её матери-уборщицы (Мария Гладышева) на сцене ещё семь человек массовки. Хотя «массовка» не совсем верное слово здесь. Это в начале их лица покрыты чёрными платками (которые после будут использованы как один из изобразительных элементов спектакля). Как только Маша освободит свои воспоминания от этой тёмной завесы, мы увидим целый спектр ярких, запоминающихся образов. У каждой из шести девушек и единственного юноши свой характер, своя линия поведения, которая сохраняется в течение всего действия, даже когда происходит смена роли. Чаще всего массовка – одноклассники Маши, но они же и бабки у подъезда, и малыши из детского сада, и пассажиры маршрутки...

В чёрном пустом пространстве сцены не понятая никем Машка бьётся, как птица в клетке. На эту ассоциацию наводит зарешеченное маленькое окошко на дальней стене (то окно монастырского прихода, то цветочного киоска, то дверца шкафа) и, соответственно, такой же «в клеточку» прямоугольник света на полу. И, конечно, сцена «лови птиц» работает на ту же идею. Казалось бы, так просто – солнечные зайчики, разбегающиеся по стене, – вот тебе и воробьи, и голуби. Но как это точно и красиво. Как быстро гаснет их хрупкая жизнь в стеклянных банках, где Маша хочет запереть своих единственных «друзей» навсегда.

Девочка мечется в запертом пространстве, не находя выхода. Мать же, наоборот, всё сидит, курит, тряпку выжимает, изредка в унисон с дочерью произносит те немногие слова, что слышала от неё Маша («За что тебя любить-то?», «Злыдня ты, Машка» и, конечно, «Все мы будем счастливы... однажды, обязательно будем»), и смеётся, некрасивым, испитым каким-то смехом, наблюдая за дочкой отстранённо, как за диким зверьком. И это действительно большая работа артистки, сильная в своей лаконичности.

Спектакль настолько насыщенный, что отметить хочется очень многое. И ту радость, с которой артисты «Галёрки» выходят на сцену, их энергию и мастерство. И то, как естественно существует в спектакле главная героиня. И работы со светом, и музыкальное оформление, и... Но нужно, пожалуй, остановиться на главном.

Думается, Дмитрий Зимин поставил отчасти спектакль-воспоминание о тех, чьё взросление пришлось на 90-е годы. Рассказывая об этой девочке, он говорит обо мне и, пожалуй, о большой части зрительской аудитории театра. Недаром на дискотеке звучат не современные хиты, а «Демо», «Руки вверх» и незабвенный «Freestyler» Bomfunk MC's. Недаром кассетное видео проецируется на пол (его не столько видишь, сколько угадываешь, смотришь «своё кино»). И угловатый парень в своём единственном «выходном» спортивном костюме – «оттуда», из эпохи китайских рынков, а не торговых центров. Я вспомнила свою «Машку-какашку» (звали её, конечно, иначе), которую мы красили жуткой розовой помадой и голубыми тенями, свою уборщицу школьную и чью-то квартиру, где мы так же, как герои спектакля, тайком смотрели плохо спрятанные родителями фильмы для взрослых, запивая неловкость чем-то горячительным. А самое главное, что и на месте главной героини каждый из нас хоть раз да оказывался, отвергнутый, чужой для всех этих «с чувством стиля», «из высше-

го общества», нелюбимый. Особенно это остро чувствуется, когда ближе к финалу по воле режиссёра один из фрагментов Машиного текста по очереди произносят её «благополучные» однокурсницы.

В ключевой сцене, когда мать пьёт из стеклянной банки отравленную чёрную жидкость, а та стекает на пол и ползёт блестящей змеей к противоположной стене, где замерла, ошарашенная своим поступком, дочь, — как будто высвобождает

чёрная желчь жестоких детских «шалостей», тёмных воспоминаний, который каждый прячет внутри себя. Как-то чище и яснее становится внутри. За что любить эту девочку? А за что тебя могут любить?.. И всё-таки нужно любить, не за что-то и не «по-своему», а по-настоящему. Написанный драматургом текст становится понятным, близким, важным. И это, пожалуй, одно из главных достижений постановки.

Елена Гецевич

«СОВРЕМЕННАЯ ДРАМАТУРГИЯ ДЕРЖИТ ТЕАТР "НА ВЕСУ"», — Дмитрий Зимин, режиссёр спектакля «Однажды мы все будем счастливы»

«Однажды мы все будем счастливы» — достаточно тяжёлая пьеса. Как сложилось твоё взаимодействие с артистами, сразу ли они приняли материал?

В общем-то, да. Когда мы собрались в первый раз, я просто всем объяснил, что хочу сделать спектакль про взросление. Про период, когда человек уже меняется, но какой-то детский комплекс в нём ещё остается. Про воздействие внешней среды, этого «стада»... Работали мы этюдным методом (это первый раз, когда у нас весь спектакль полностью так создан) — я давал темы, а ребята приносили этюды. Например, на тему «как человек может в детстве заработать комплекс», они придумали эпизод с какашкой. У нас набралось, таким образом, около тридцати этюдов, с которыми мы работали — а потом стали на них «накладывать» пьесу. Сам я вообще не люблю моноспектакли, и мы не хотели просто иллюстрировать текст. Не хотели, чтобы было такое «повествование», боялись уйти в литературу. Ведь суть в том, что главная героиня, Маша, осознала, что совершила убийство, поэтому приходит исповедаться. Но при этом она тут же начинает себя оправдывать. Весь этот флешбек, все воспоминания — это конфликт того, что человек хочет очистить душу, но из-за своих самооправданий не может этого сделать. И это, на самом деле, страшно! Страшнее даже, чем та среда, которая вроде бы, на первый взгляд, такая милая, а на самом деле... Мы ещё хотели жанр спектакля определить как «розыгрыш»: девочки же всё время в «приколышки» играют, а потом это заканчивается трагедией. Меня тема школы очень цепляет! У меня был друг, который сбросился с крыши из-за таких вот «приколычков»...

Эта среда, «стадо» — такой же герой, как и Маша?

Да, у нас с самого начала даже внешне была задана конфронтация: на одном краю сцены — мать, на другом — среда. Я, как режиссёр, всегда смотрю на фактологию, придумать-то себе можно, что угодно... Несмотря на то, что главная героиня всё время говорит о том, что мама её ударит — в пьесе нет ни одного реального такого эпизода. Я думаю, что Маша просто этим прикрывает свой комплекс. Она стремится, что у неё мать техничка, вот и всё. Мы не стали делать злыдню-мать из благополучной среды. В пьесе есть очень важный факт смерти отца. И, на наш взгляд, мать всё ещё живет этими воспоминаниями: она странная, закрытая, но не плохая. Вся проблема в Машке.

Ты ставишь молодых драматургов, буквально живущих рядом. Насколько для тебя важно общение с ними?

Да, мы общаемся и с Ириной Васьковской, и с Катей Васильевой. И, правда, знание Катиных вкусов, даже на уровне музыки или цвета, очень помогало в работе над спектаклем.

Продолжение на с. 6

Начало на с.5

Я понимаю её способ мышления, и это помогает разобраться в тексте, определить, где у неё ирония, а где всё всерьёз.

Чем тебе интересна современная драматургия, и какая именно?

У меня нет желания гнаться за модой. Вот, у Вырыпаева меня ничего кроме «Сентенций» не цепляет — поэтому мы больше у него ничего и не ставим. У современной драматургии есть большой плюс: зритель никогда не знает, чем всё закончится. Она держит театр «на весу». Катарсис

ведь возникает в определённой мере через страх, когда ты не ожидаешь, что случится в следующую секунду. С классикой, конечно, круто работать, но читающий человек хорошо знает сюжет. Он знает, что сделает в конце Гамлет, что Катерина... И, как бы эффектно ты всё не поставил, зритель будет ожидать этого известного финала. К тому же, хорошая драматургия — это всегда срез общества. А современная драматургия — срез нашего общества. Она позволяет говорить о том, что тебя реально сейчас волнует.

Беседовала Инна Афанасьева

OFF-ПРОГРАММА

Кинопоказы во время «Коляда-Plays» уже давно стали неотъемлемой частью off-программы. У зрителей и участников есть возможность немного передохнуть от театра, переключившись на просмотры фильмов. Фильмов, как правило, документальных, поэтому игровое кино сразу привлекает к себе внимание, как например «Васильки» Максима Меламедова. У данного режиссёра получилась практически агитка-притча против пьянства. В его истории двое деревенских парней ходят по домам своих соседей и обманным путём получают от них водку и деньги... которые, впрочем, опять пойдут всё на ту же водку. Желание выпить полностью подчинило себе сознание молодых мужиков. Они уже и над нравственностью своих поступков не особенно задумываются, и живут почти механически, двигаясь по замкну-

тому кругу — от запоя до похмелья и обратно. Это и жизнью-то назвать сложно, скорее «доживанием». Смерть, можно сказать, с ними уже за одним столом сидит...

Сталкиваются с угрозой смерти и герои клипа «Погоня». Антитабачная тема этим летом актуальна, пожалуй, как никогда. Режиссёр Василий Бондарчук снял настоящий триллер длиной всего в 2 минуты 36 секунд. Табак, как беспощадный маньяк убийца, преследует своих жертв в тёмном парке. Выживают после встречи с ним, естественно, только пышущие здоровьем и сильные духом. А слабаки-курильщики получают молотком по неразумной голове.

Документальные фильмы Светланы Абакумовой и Анны Борцовой выстроены вокруг историй конкретных людей. А это всегда интересно, за настоящей, непридуманной жизнью наблюдаешь с особым вниманием. «Алёнина родня» Светланы Абакумовой рассказывает об истории нашей страны на примере судеб нескольких поколений одной семьи. В общем фотоальбоме всем можно «взяться за руки»: и вот уже прадеды стоят как живые, и смотрят на тебя, сегодняшнего, стараясь найти свои черты... У Анны Борцовой история получилась совсем камерная: она сняла учебный фильм о своей младшей сводной сестре. «Маленький цветочек» — светлое и тоже почти семейное кино. При всех видимых технических недостатках работы, хочется отметить искренность, тепло и удивительную простоту авторской интонации.

Мария Зырянова

Кадр из фильма «Васильки»

Выпуск подготовили:

Елена Гецевич,
Вера Цвиткич

Добавить в избранное!
Все новости фестиваля
на www.domaktera.ru

